

У ручья было тихо.

Ученики смотрели в стороны. Некоторые из них хотели что-то сказать, однако прежде чем они это сделали, их останавливали друзья. В итоге все продолжали молчать.

Учитель Ван, поправив очки, сказала, обратившись к Шэнь Чэну:

- Хотя ты и виноват в сложившейся ситуации, ты все равно взял на себя ответственность и оказал пострадавшей однокласснице первую помощь, это нельзя не похвалить. Возвращайся в школу и напиши объяснительную. Разумеется, дальше ты в походе участвовать не можешь. А вы, ребята, воспринимайте это, как урок на будущее.

Шэнь Чэн смотрел на учительницу, приподняв одну бровь.

Он так ничего и не сказал, никак не попытался себя оправдать.

Отчего-то учитель Ван, заметив, что Шэнь Чэн продолжает хранить молчание, почувствовала себя виноватой. Ей захотелось как можно скорее покончить с этой ситуацией:

- Ладно, раз вам всем больше нечего сказать, мы продолжим поход...

- Учитель, я не согласен.

Пухлый мальчик поднял руку. Он был ростом ниже всех остальных своих одноклассников, однако при этом был единственным, кто смог встать на защиту другого человека. Цзянь Шиву повторил:

- Я хочу кое-что сказать.

Шэнь Чэн мельком взглянул на него.

Цзянь Шиву так сильно нервничал, что не мог совладать с дрожащим голосом, однако продолжал говорить:

- Шэнь Чэн должен уйти, чтобы написать объяснительную, и он не сможет дальше участвовать в походе. Раз так, я тоже хочу вернуться.

Учительница была ошеломлена.

На водной глади ручья отражались лучи солнца.

Хотя своими словами Цзянь Шиву только что пошел против системы, сделал он это на удивление спокойно:

- Если бы не староста, то наш класс никогда бы получил средний балл выше восьмидесяти. Именно благодаря ему я смог пойти в поход. Если я все так оставлю, то моя совесть будет не чиста.

Хотя он разговаривал с учителем, все остальные ученики восприняли его слова на свой счет. Они могли бы сколько угодно утешать себя, мол, это не их вина, но Цзянь Шиву словно заставил их посмотреть в зеркало, в котором все увидели свое прогнившее нутро.

Шэнь Чэн неотрывно следил за Цзянь Шиву.

Лу Хэн, стоящий рядом с пухлым мальчиком, также поднял руку:

- Учитель, я тоже хочу спуститься с горы.

Два ученика настолько разозлили своим поведением учителя Ван, что та от гнева аж скривилась.

Цзи Бэйчуань выкрикнул:

- Цзянь Шиву, думаешь, что можешь уйти только потому, что хочешь? Наш школьный автобус не является твоей личной машиной!

Цзянь Шиву мило улыбнулся:

- Я не могу насладиться походом, потому что вижу твое сморщенное, как у старухи, лицо. Извини, но мне не комфортно с тобой.

- Ты!

Цзи Бэйчуань покраснел от гнева.

Он повернулся, ища поддержки у одноклассников, но большинство из них стояли, опустив голову вниз. Слова Цзянь Шиву затронули их сердца.

Затем...

Конг Вэньцзин подняла руку:

- Учитель, простите, это не вина Шэнь Чэна, мы сами решили подойти к ручью. Мне кажется несправедливым наказывать старосту, если он уйдет, то и я тоже.

Цзи Бэйчуань ошеломленно смотрел на девочку.

После этого все остальные также начали поднимать руки:

- Извините, учитель, я также ходил к ручью.

- Я тоже заслуживаю наказания, я тоже это делал.

- И я, учитель...

Класс, в котором изначально каждый был лишь за себя, под влиянием слов Цзянь Шиву наперебой бросился признавать свою вину.

Раньше ребята практически не общались с Шэнь Чэном и к тому же очень боялись гнева Цзи Бэйчуаня, поэтому решили промолчать. Но теперь они признали доброту старосты. Цзянь Шиву был прав. Хотя никто не хотел наказания, они не могли позволить Шэнь Чэну страдать одному.

У учительницы Ван разболелась голова:

- Вы... Вы...

Сяо Сяо, получившая ранение, глядела на признающих свою вину одноклассников, а затем

перевела свой взгляд на Шэнь Чэна – тот смотрел куда угодно, но только не на нее. Ей стало очень стыдно. Всего несколько дней назад Шэнь Чэн подтягивал ее в учебе, вспомнив об этом, она вновь чуть не разрыдалась. Цзянь Шиву был абсолютно прав. Если она не поднимет руку, то разве ее можно называть человеком? Она уже провинилась и не могла продолжить совершать неправильные поступки.

Подумав об этом, Сяо Сяо громко произнесла:

- Учитель Ван, я тоже хочу кое-что сказать. Прошу, простите, но я наступила на осколки стекла, когда играла в ручье. Просто я заметила, как Цзи Бэйчуань первый пошел в воду и подумала, что там нет никакой опасности. А староста... Он пришел мне на помощь, когда увидел рану, пожалуйста, не наказывайте его.

Учитель Ван недоверчиво смотрела на девочку. Все произошло так внезапно, что у нее даже не было слов.

Приехала скорая помощь, и группа людей на носилках унесла раненого ребенка к подножью горы, а учительницу Ван вызвал директор. Она получила выговор. Сяо Сяо хотела поговорить с Шэнь Чэном перед тем, как уйти, но в итоге опять расплакалась и протянула к нему руку:

- Шэнь Чэн, спасибо за все, и я надеюсь, ты сможешь меня простить...

Шэнь Чэн дернул плечом, избегая ее прикосновения.

Учитель ушла, поэтому вокруг старосты столпились ученики.

Ребята не сразу встали на его защиту и теперь чувствовали себя виноватыми. Хотя они все еще были детьми, различать добрые поступки от злых уже могли.

- Староста.

- Ты был так крут, решительно вытащил тот осколок стекла, а я просто стоял, дрожа от страха.

- Шэнь Чэн, ты очень профессионально обработал рану, где ты научился...

- Ты еще злишься на нас, староста?

Шэнь Чэн, внезапно оказавшийся окруженным толпой, растерялся, слыша со всех сторон восторженные голоса. На его обычно равнодушном лице почти проявились эмоции, когда он ответил:

- Нет.

Все улыбнулись.

Дети поняли, что на самом деле Шэнь Чэн был очень добрым человеком. Он хорошо учился и всегда приходил на помощь нуждающимся. Почему они раньше этого не замечали?

Цзянь Шиву, заметив неловкость Шэнь Чэна, бросился ему на помощь:

- Староста, у тебя же руки все еще в крови, я сейчас куплю тебе бутылку воды, чтобы ты умылся.

Кровь на красивых, изящных руках Шэнь Чэна отчего-то выглядела эстетично.

Шэнь Чэн посмотрел на мальчика уже не таким холодным взглядом, как ранее, а затем спросил:

- Купишь бутылку воды?

Цзянь Шиву уверенно кивнул:

- Да.

Взглянув на ручей, Шэнь Чэн приподнял бровь:

- Разве здесь нет воды?

Цзянь Шиву был настолько ошеломлен, что просто стоял, разинув рот.

Одноклассники, заметив его глупое выражение лица, разразились смехом. Вся неловкость будто бы испарилась. Цзянь Шиву оглянувшись, с удивлением заметил, что Шэнь Чэн приподнял уголки губ. Он улыбался.

И это был первый раз, когда Шэнь Чэн искренне улыбнулся ему!

Уголки его губ были слегка приподняты, а обычно слегка хмурые брови сглажены, что сразу же делало мягче его черты лица. В темных глазах сверкали веселые искры. Цзянь Шиву ощущал себя так, будто бы на его глазах только что растаял многовековой айсберг.

В этот миг весь мир, казалось, затих. Цзянь Шиву слышал, как усиленно бьется его сердце.

Он покраснел.

Ученики собрались вокруг Шэнь Чэна, весело смеясь. В стороне остался лишь Цзи Бэйчуань. Мальчика не обвиняли в случившемся, но никто также не подошел к нему, чтобы узнать о его состоянии. В этот момент все тянулись к Шэнь Чэну, как к божеству, а сам Бэйчуань будто бы казался всем чумным.

- Хэй.

Лу Хэн похлопал Цзянь Шиву по плечу, привлекая к себе внимание друга.

Лу Хэн, взглянув на умывающего руки Шэнь Чэна, прошептал:

- Смотри, я нашел ученический билет нашего старосты.

У этой карточки, служащей также удостоверением личности, была одна особенность: последние несколько цифр ее номера были днем рождения ученика.

Цзянь Шиву, взглянув, спросил:

- Послезавтра у него День рождения?

Лу Хэн подмигнул другу:

- Да, вот так новости!

Цзянь Шиву, заметив идущего учителя, забрал студенческий Шэнь Чэна, чтобы его вернуть, и

спросил:

- Давай обсудим это вечером?

Подошла учитель Ван.

Она, смущаясь, произнесла:

- На первый раз мы забудем о вашей проступке, стройтесь в ряд и продолжайте путь.

Ребята не ожидали, что школьное руководство их так легко простит, они облегченно вздохнули, радуясь, что все-таки встали на защиту Шэнь Чэна. В противном случае, слова Цзянь Шиву преследовали бы многих в кошмарах.

Вечером студенты прошли уже половину пути и решили на ночь разбить лагерь. Цзянь Шиву был в своей палатке один, когда к нему пришел Лу Хэн. Тот, расстегнув молнию палатки, сказал:

- Я пришел, чтобы обсудить День рождения старосты.

Цзянь Шиву уже собирался позвать друга внутрь, но тут Лу Хэн быстро добавил:

- Ну, и я не один.

Снаружи стояла группа где-то из тридцати человек.

Цзянь Шиву от удивления распахнул глаза:

- Это... что?

Лу Хэн, прокашлявшись, виновато произнес:

- Я случайно при них об этом упомянул, и все захотели поучаствовать. Разве я мог отказать?

- ...

<http://bllate.org/book/12636/1120670>